

Чем живет современная британская поэзия?

[221]

ИЛ 2/2018

С Сашей Дагдейл беседует Мария Фаликман

Британский поэт и переводчик Саша Дагдейл приезжала в Москву в сентябре 2017 года. На международном фестивале “Антоновские яблоки” в Коломне состоялась премьерная читка перевода ее пьесы “Радость”, опубликованной в журнале “Иностранная литература” в 2011 году. В этом году Саша уходит с поста главного редактора журнала “Современная поэзия в переводах”, который занимала в течение пяти лет, во многом преобразив журнал. В качестве заключительного выпуска журнала на этом посту Саша подготовила номер, посвященный современной русской и украинской поэзии. Мы задали Саше несколько вопросов об актуальной британской поэзии, о журнале и о переводах поэзии на английский язык.

Мария Фаликман. Сначала о стихах. Чем живет современная британская поэзия? Какие темы волнуют поэтов?

Саша Дагдейл. Британские поэты сейчас очень политизированы — до такой степени, с какой мне лично не приходилось сталкиваться раньше. Это отражение растущей политизированности общества, которая началась с победы консерваторов в 2010 году, режима строгой экономии и расколовшего страну на два лагеря прошлогоднего референдума по поводу выхода из Евросоюза. Думаю, не будет преувеличением сказать, что большинство поэтов относятся к левому крылу политических сил, придерживаются либеральных взглядов, и поэтому их ужаснули побочные эффекты референдума: рост ксенофобии и оголтелого национализма, информационные вбросы в СМИ и стремление отвернуться от Европы, мультикультурализма и прогрессивных взглядов. В каком-то смысле у нас сейчас в Великобритании такой период, который либерально настроенные русские проходили и наверняка узнают. У нас были этапы ледящего ужаса (постоянного обращения к соцсетям в поисках обновлений и новых мнений), недоверия средствам массовой информации и правительству, солидарности и политического активизма (протестные марши и выступления, сбор средств). Вот один конкретный пример: стихийные “поэмафоны” по всей Великобритании, посредством которых тысячи поэтов собирали

деньги для беженцев (Британия печально прославилась тем, насколько скудно она принимала беженцев во время европейского миграционного кризиса). Эти поэмафоны помогли собрать более ста тысяч фунтов для благотворительных фондов, помогающих беженцам, и сплотили поэтов в Лондоне, Шеффилде, Брайтоне и других городах. У нас было немало протестных маршей, в которых принимали участие группы поэтов. На волне нападений на поляков, постоянно живущих в Великобритании, журнал “Современная поэзия в переводах”, которым я руковожу, создал интернет-сайт с участием местных британских и польских поэтов, творчество которых взаимно вдохновлялось поэтикой двух культур. И таких примеров немало.

Политизированность неизбежно просачивается в поэзию. Например, пятьдесят поэтов, поддержавших нового левого лидера лейбористов, передали свои стихи для антологии “Стихи для Джереми Корбина”. А сколько поэтов откликнулись этим летом на трагедию Гренфелл-Тауэр стихами. Прежде всего это известный писатель Бен Окри, чьи стихи были опубликованы в “Файненшл таймс” (Гренфелл-Тауэр был представлен там как пример почти диккенсовского социального неравенства: жертвами пожара стали бедные жители состоятельного лондонского района, плохо защищенные от возможной гибели при пожаре). Эта трагедия затронула и проблему расового неравенства, поскольку среди жертв пожара многие не были белыми британцами, а кроме того, часть погибших оказались мигрантами.

В поэзии стало модно выражать свое политическое недовольство. Кейт Темпест, популярный чтец-декламатор и музыкант, сочиняет гневные стихи по политическим поводам: “Пропала Европа, и Штаты, и Лондон, / А мы все победу трубим без причины. / Правит бессмысленное, пустозвонное, / Ничему нас история не научила”. Еще один популярный поэт-декламатор Холли Макниш обличает расизм по отношению к мигрантам: “Как славно, когда находится кто-то, / Кто виноват, что у нас нет работы. / Но эмиграция — большой страх, / Чем все эти суммы у вас в головах”. Декламация как жанр расцветает на глазах, бросая вызов неблагоприятной политической обстановке, ведь ее воздействие опирается на единение публики и исполнителя и на теплый прием, а единения у нас сейчас достаточно.

“Лобовые” стихи о политике всегда со страшной скоростью устаревают — и, по крайней мере, на мой взгляд, слова Китса “Нам ненавистна поэзия, которая действует на нас откровенным принуждением — а в случае нашего несогласия словно бы

засовывает руки в карманы штанов”¹ применимы к большинству откровенно политических стихотворений, которые пишутся сейчас, даже несмотря на то что я поддерживаю устремления их авторов. Что мне интереснее — так это беспокойная работа, исподволь исследующая время, в которое мы живем: например, творчество британско-тринидадского поэта Вахни Капилдео, его сборник “Меры экспатриации”, где он рассматривает сдвиги идентичности эмигрантов, с большим тщанием напластовывая слои языка, или недавний сборник Тары Бергин “Трагическая смерть Элеоноры Маркс”. Элеонора Маркс, дочь Карла Маркса, была первым переводчиком “Мадам Бовари” на английский. Смерть Маркс вторит самоубийству Эммы Бовари, и Бергин обсуждает проблемы перевода и гендерной идентичности в стихах, играя с традиционными песенными и лирическими повторами.

Неопределенность идентичности — центральная тема обоих этих сборников, а выражение идентичности в поэзии красной нитью проходит через творчество современных британских и американских поэтов. Возникает впечатление, что нестабильность эпохи глубоко затронула людей, заставила обратиться к самим себе, своим собственным ресурсам и подвергнуть их пересмотру. Более того, внимание к проблемам беженцев вызвало новый интерес к теме миграции и адаптации к жизни в новой стране. У китайско-британского поэта Сары Хоув вышел чудесный сборник “Нефритовая петля”, важную роль в котором сыграла ее двойная национальная идентичность и китайское наследие ее матери.

Читать современные поэтические произведения интересно (даже если их можно отнести к настоящей поэзии только в самом общем смысле). Новый главный редактор “Поэтри ревью”, поэт Эмили Берри, недавно предложила нескольким поэтам сочинить что-то вроде манифеста. Джей Бернارد в своем манифесте блестяще написала о точке соприкосновения между политикой и поэзией: “4. Что я узнала, работая в архиве номер 317: как быстро мы забываем; как помещение в архив может стать способом забыть; как попадание в новостную сводку становится успокоительным средством, способом забыть исходную проблему” (из “Манифеста” Джей Бернارد в “Поэтри ревью”, осень 2017).

Еще мне интересно думать о тех поэтах, кто не хочет или не может касаться политики в своих стихах, кто не потакает обществу вкусу. Мы узнаем о таких поэтах, по большей части,

1. Дж. Китс. Письма / Пер. С. Сухарева. — Литературные памятники. — Л.: Наука, 1986.

ретроспективно: например, это шотландский поэт У. С. Грэм¹, которого я читала в рамках проекта, направленного на то, чтобы открыть его творчество широкому читателю.

М. Ф. Какие яркие имена в британской поэзии ты можешь назвать? Кого продолжают читать из тех, кто был известен, когда ты только начинала публиковаться сама? И какие новые имена появились?

С. Д. За последние несколько лет в нашей поэзии со всей очевидностью произошла смена поколений, что неудивительно. Поэты, которые считались лицом поэзии и чьи стихи мелькали повсюду, звучали на радио, обсуждались газетными критиками, уже не так заметны на поэтической сцене, хотя для широкой читательской аудитории, вкусы которой меняются крайне медленно, они остаются поэтами, способными повести за собой толпу: это Дон Патерсон, Джон Агард, Джо Шапкотт, Саймон Армитидж, Дэвид Харсент, Кэрол Энн Даффи². Но нынешний поэтический ландшафт более разнообразен: тут и замечательный североирландский поэт Шинейд Моррисси; и Гара Бергин, Сара Хоув и Вахни Капилдео, которых я уже упоминала; и Эмили Берри; и Дж. О. Морган — шотландский поэт, недавно опубликовавший потрясающий современный вариант англосаксонского эпоса о битве при Молдоне под названием “У Молдона”; и Ник Макоха, чей первый поэтический сборник “Королевство гравитации” посвящен гражданской войне в Уганде, от которой он бежал еще ребенком. Популярна у нас и американская поэзия, не в последнюю очередь благодаря тому, что нынешний главный редактор журнала “Poetry” Дон Шэр, великий англофил, всячески способствует двустороннему обмену. Есть и американские поэты — скажем, Клодия Рэнкин, — которые оказали сильное влияние на британскую национальную поэзию, как, впрочем, и на американскую. А Оушен Вуонг, молодой лауреат британской премии “Форвард” за лучший первый поэтический сборник, — американец вьетнамского происхождения, чья поэзия берет корни в опыте переселения в США в качестве бедного эмигранта. Я упоминаю только тех поэтов, чье творчество считаю неизменно мощным, и, даже если они затрагивают вопросы политики, это всегда “истины, проверенные на собственной шкуре”.

1. Уильям Сидни Грэм (1918–1986) — шотландский поэт, близкий к неоромантикам и кругу Дилана Томаса, недооцененный при жизни, но в последние годы вновь привлекая внимание читателей.

2. Стихи Д. Патерсона, С. Армитиджа, К. Э. Даффи и Дж. Шапкотт публиковались на русском языке в книге “В двух измерениях. Антология современной британской поэзии”. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

М. Ф. Остались ли в британской поэзии рифмованные стихи или исчезли полностью?

С. Д. Форма всегда была важна для британских поэтов (возможно, больше, чем для их американских коллег). Рифма того или иного рода всегда широко присутствовала в британской поэзии, но с девятнадцатого столетия уже не настолько распространена, как в русской поэзии. Я решила провести эксперимент: сняла с книжной полки наугад несколько поэтических сборников, чтобы проверить, есть ли там рифмы, и нашла рифмы в каждом, хотя, по большей части, это не строгая чередующаяся рифмовка АВАВ и чаще неточные рифмы, чем точные. Чтобы поэзия достигала своей цели, в ней должно быть внутреннее напряжение, и этого напряжения можно добиться разными средствами: струны натянуты так же, а вот колки могут быть расположены и в другом порядке...

М. Ф. А теперь несколько вопросов про твой внушительный опыт работы главным редактором журнала, публикующего переводы. Как ты видишь миссию журнала?

С. Д. Я в скором времени оставляю пост главного редактора “Современной поэзии в переводах” после пяти лет работы. Новый главный редактор, Клэр Поллард, — поэт и переводчик, она тратит много времени и сил на перевод поэтов, живущих в Великобритании, но пишущих на разных языках, в сотрудничестве с такой организацией, как Центр поэтического перевода¹ (хотя, как и Тед Хьюз, она переводит с подстрочника, поскольку владеет лишь английским языком). Журнал снова изменится, и меня это радует. Одна из главных его особенностей состоит в том, что его дух сохраняется вне зависимости от того, как меняется форма.

Тед Хьюз называл наш журнал “аэропортом для вновь прибывших переводов”, и я в целом вижу его так же. Британия — маленький остров, и без переводной литературы наша поэзия неизбежно стала бы местечковой. Моя миссия видится мне в том, чтобы дать англоязычным читателям и поэтам шанс поближе познакомиться с новыми поэтическими течениями, новыми точками зрения, чтобы более полно реализовать потенциал поэзии на своем родном языке и в контексте своей культуры. Произведения многих поэтов, которых мы публикуем, издаются впоследствии в виде поэтических сборников и

1. Центр поэтического перевода (Poetry Translation Centre) — созданная в 2004 г. британская некоммерческая организация, обеспечивающая переводы современной поэзии Африки, Азии и Латинской Америки на английский язык. Проводит семинары, издает книги и ведет интернет-сайт с обширным архивом современной переводной поэзии.

становятся частью нашего поэтического ландшафта. Лучший пример тому — поэма Мирослава Голуба¹ “Муха”, переведенная Джорджем Тейнером, опубликованная в самом первом номере “Современной поэзии в переводах” в 1965 году и впоследствии включенная в антологию британской поэзии. Но мне довелось наблюдать, как и другие зарубежные поэты — например, Сабир Хака из Ирана или Ким Хёсун из Кореи — находили благодарных читателей среди наших поэтов. Я и сама изменилась, занимаясь редактированием всего этого многоголосия и ощущая множество возможностей, которые оно открывает.

М. Ф. Как бы ты описала читателей журнала? Кто в современной Великобритании интересуется переводами поэзии?

С. Д. Основная читательская аудитория “Современной поэзии в переводах” сформировалась в 1960–1970-х. Интересно, насколько она похожа в этом отношении на аудиторию советских “толстых” журналов. Когда я стала главным редактором журнала, у него было довольно мало подписчиков, поскольку многие читатели уже ушли из жизни или просто не могли продолжать оформлять подписку. Однако за последние пять лет мы постепенно обрели новую, более молодую, аудиторию — отчасти потому, что изменили журнал, улучшили его дизайн и освещение в социальных сетях, пишем об участии в поэтических вечерах, фестивалях и чтениях. Но отчасти это произошло благодаря возросшему спросу на переводы. Журнал был популярен в 1960-х на пике “холодной войны”, потому что открывал читателям доступ к творчеству авторов из соцлагеря (Польша, Чехословакия, Югославия, Советский Союз). В силу политической напряженности того времени эта работа казалась важной и злободневной. Хьюз писал, что особенно животворящей работа журнала была после “изоляции пятидесятых”. Наше время во многом повторяет ту эпоху: геополитическая неопределенность, балансирование на грани “холодной войны”, разобщенная и напряженная Европа, плюс еще Америка Трампа и ощущение, что мир непредсказуем и враждебен. Наши читатели недвусмысленно дают нам понять: им нужно то, что мы делаем, и сейчас эта потребность сильна как никогда прежде.

М. Ф. Чем ты руководствуешься, выбирая страну, которая станет центральной для того или иного номера?

С. Д. По большей части интуицией. Мы — маленькая организация, так что можем позволить себе быстро менять курс.

1. Мирослав Голуб (1923–1998) — крупнейший чешский поэт, переводчик поэзии с английского и польского языков.

Один из наших лучших номеров был посвящен беженцам — мы составили его во время миграционного кризиса в 2016 году. Мы выпустили этот номер очень быстро — и я думаю, он был полезен для читателей. Там были произведения сирийцев, бежавших от войны, а еще стихи румынского поэта Кармен Буган, тамильского поэта Шаш Треветт. Короче говоря, мы дали некоторую историческую перспективу.

Иногда это внутреннее чувство, смутное ощущение, что поэзия той или иной страны бурно развивается. Так было с корейским номером. Стихи, которые мы получали от переводчиков с корейского, были настолько сильными и своеобразными, что мы посчитали необходимым привлечь к ним внимание читателей.

М. Ф. Переводы каких русских поэтов выходили во время твоей работы в журнале?

С. Д. Будучи главным редактором, я публиковала не слишком много русских поэтов. Не так давно вышли стихи Бахыта Кенжеева в переводах Джима Кейтса, мы печатали стихи Сергея Чегры, несколько стихотворений Мандельштама и Цветаевой, переведенных поэтами Кристофером Уайтом и Монизой Алви. Мы напечатали несколько вариантов переводов Хлебникова. У нас не так уж много переводчиков с русского. А еще подозреваю, что, поскольку я сама знаю русский, у меня слишком высокая планка. Переводы не должны быть интересны только лишь с этнографической точки зрения, по красоте они должны не уступать оригиналу. А переводчиков современной российской поэзии совсем мало. Мой следующий (и последний) номер журнала посвящен российской и украинской поэзии. Это утопический номер!

М. Ф. Особенности поэзии на том или ином языке, несомненно, влияют на переводы. А влияют ли публикации переводов с других языков на британскую поэзию? Можно ли найти такие примеры?

С. Д. Я убеждена, что переводы влияют и всегда влияли на британскую поэзию. На язык Шекспира, к примеру, повлиял перевод Библии, выполненный Тинсдейлом. Вообще переводы Тинсдейла стали наимогущественнейшим вмешательством в английский язык — отсюда у нас бесконечные фразеологизмы, поговорки, языковые обороты. Мильтон в равной степени владел латынью и английским, Шелли и Китс переводили, чтобы лучше чувствовать свой собственный язык... Таких ранних примеров влияния переводов на поэтов великое множество. Основатель журнала “Современная поэзия в переводах” Тед Хьюз был страстным переводчиком Яноша Пилинского, и считается, что его собственные стихи, включая “Ворона”, ис-

пытали влияние и строгого стиля венгерского поэта, и оригинальных представлений самого Хьюза о переводе и важности “разрушенной естественности” переводной поэзии. По правде сказать, было бы проще назвать немногочисленных поэтов, на чье творчество не повлияли произведения, созданные на других языках. Конечно, английский сейчас стал языком международного общения, и большинство англичан, как это ни постыдно, не владеют никакими другими языками. Без таких организаций, как журнал “Современная поэзия в переводах” и Центр поэтического перевода, произведения на других языках были бы англичанам недоступны.